

ДИАПАЗОН АРТИСТА И ЧЕЛОВЕКА

разов, воплощенных артистом в театре оперы и балета «Эстония». Шестидесять жизней, человеческих характеров, в которые переплавлялось его собственное «я». Каким емким, гибким, неутомимым должно оно быть... Но творчество и состоит в преодолении.

— Меня, как, вероятно, многих артистов, — говорит Отс, — больше всего привлекают партии, дающие возможность создать масштабный характер, показать динамику человеческого чувства, контрастные смены настроений.

Классика часто предоставляет такую возможность. Но, по его мнению, как бы богата она ни была, желание рассказать современнику о современном всегда остается очень сильным у актера. Вот почему героико-патриотические образы мужающих в огне войны людей своего поколения — Андрея Балашова (оперетта «Беспокорное счастье»), Пауля Рунге (фильм «Свет в Коорди»), Олега Кошевого и Алексея Мересьева (оперы Мейтуса и Прокофьева) стояли ему немало волнений и раздумий.

Ускоренная жизненная школа грозных лет Великой Отечественной. У каждого, прошедшего ее, сохранились в памяти какие-то пронзительно-острые часы или, может, мгновения. Для Отса это, наверное, августовский день 1941-го.

Среди моря горит от фашистской бомбы транспорт «Сибирь», на котором он, надевший, как и тысячи его сверстников, военную форму, должен был прибыть в Кронштадт. Волны слепят солнечными отсветами, но вода холодная и все больше сковывает тела пловцов — его и друга. Только спортивная закалка рекордсмена Эстонии по плаванию помогла Георгу продержаться длительное время в море вместе с товарищем, пока их не подобрал наш минный трайльчик. По Ленинграду потом пришлось пройти в одних носках.

Другое ощущение, близкое к предчувствию счастья, испытал он на Урале, где работа на лесозаготовках перемежалась с военной подготовкой. Это был момент, когда в Камышлов вошли хорошо обу-

ченные, в новеньких белых полушубках воины. Формировался эстонский корпус, где Отс начал командовать взводом противотанковой артиллерии. Но ему суждено было вскоре сделать своим оружием песню.

С эстонским художественным ансамблем под руководством Ирда и Пыльдрооса он пел перед солдатами, лечившимися в госпиталях или отдохавшими между боями. В 1944 году ансамбль по следам танкового соединения «Лембиту» выступил в Таллин и увидел победный стяг над древними стенами Вышгорода. После долгой разлуки Отса ждала встреча с отцом и матерью.

ИЗ НАЧАЛА сороковых годов он вынес свою дружбу с советской патриотической песней, став ее замечательным пропагандистом в стране и за рубежом. Признание высокого смысла таких произведений заключено в его словах: «Я хочу, чтобы зал, особенно молодой, знающий о войне далеко не всю горькую и героическую правду, понял, какой нечеловеческий подвиг был совершен народом. И, поняв эту правду, сумел еще лучше оценить свое настоящее. И, конечно, свою ответственность за него. Ведь в те годы именно в таком возрасте, как наши молодые люди, шагали вчерашние школьники на передовые, «прикрыв собою весь двадцатый век», — как поется в одной моей любимой песне».

В прошлом году ему исполнилось пятьдесят, тогда он получил дорогую правительственную награду — орден Ленина. Страна признала его своим народному артисту, а гордая ни Эстонская республика подарила ему особенно много тепла и приветов. И это вполне объяснимо. Мягкий баритон и ту своеобразную манеру пения, в которой светлое и строгое начало, сливаясь, создают сугубо отовскую интонацию, различают, радостно узнают в любом уголке Советского Союза. Но по-настоящему, разными гранями дарования, во всеоружии своих творческих возможностей он предстает перед земляками как солист театра «Эстония».

В нашем разговоре Отс не обмолвился ни о чествовании, ни о награде. С характерной для него немногословностью и сдержанностью сказал, что прошлый год был удачным. Пришлось много, интересно поработать. Прежде всего он выступил в заглавной роли в новой постановке оперы Д. Кабалевского «Кола Брюньон», в основе либретто которой повесть Ромена Роллана. Солнечная книга о французском резчике-самородке, несправедливо оптимисте Кола, вошла другом в судьбу Отса. Лет десять назад перед тяжелой операцией и после нее она поддерживала его силы в больнице. А теперь, выходя на подмостки сцены в облике Кола, он хотел бы заразить зрителей этим героем, его буйной художнической энергией, его непобедимой любовью к жизни.

В прошлом году Отс дважды снимался в кино (да еще напел фонограмму для кинокартины «Последняя реликвия»). На телевидении у него была чисто драматическая (без пения) роль ревельского летописца, автора «Хроники Ливонии» Балъазара Руссова, жившего в XVI столетии. От этой дали веков он шагнул к сегодняшнему звонкому ребячьему миру — в фильм «Большой концерт». Здесь он ведущий «Энтеля-Тентеля», эстонского конкурса малышей-вокалистов, одного из многих проявлений живых песенных традиций в республике. Артист вспоминает об этой работе с видимым удовольствием, даже улыбается.

«Большой концерт» мне случилось посмотреть. Представляя публике курносых солистов, задавая им вопросы, Георг Карлович дела-

ет это серьезно и просто, без тени снисходительности, будто общается с собратьями по искусству.

И, конечно же, не обошлось без гастролей. Он пел в четырех городах страны, в том числе давал сольный концерт в Большом зале Московской консерватории.

Сколько-нибудь длительное выс-

Народный артист СССР Г. К. ОТС

Нынешний год из-за болезни не был для Георга Отса творчески насыщенный. Однако именно в этом сезоне он появился перед публикой в одной из самых ярких работ — Сервантес и Дон Кихот (двойная роль) в мюзикле «Человек из Ламанчи», созданном по мотивам бессмертного испанского романа композитором М. Ли и драматургами Д. Вассерманом и Д. Дарином. Таллинцы оценили этот спектакль. Как я убедилась, попасть на него не так-то просто.

Артисту приходится прибегать здесь к вокальным, драматическим и пластическим средствам выразительности. И он уверенно пользуется каждым из них. Его идальго-ламанчец открывается нам и мощным и отважным, и неуклюжим и величаво-грациозным, и нелепо-смешным и взволнованно-одухотворенным.

Балансируя между комическим и возвышенным полюсами роли Дона Кихота, Георг Отс применяет в своей игре по преимуществу мягкие, пастельные краски. Он словно побуждает зрителя прислушаться к словам своего героя: «Безумие — видеть жизнь такой, какая она есть, а не такой, какой она должна быть». При всех иронических тонах, которыми подсвечена фигура странствующего рыцаря, в мюзикле «Человек из Ламанчи» возникает образ светлый и трогательный, отмеченный живой гуманистической устремленностью, зовущий идти за благородной мечтой.

Самому актеру он принес удовлетворение, как об этом можно было судить по фразе: «Мне кажется, я кое-что сумел сделать в этой роли».

Когда вместе со всем зрительным залом я аплодировала спектаклю, то думала о мастерестве Отса и о его мужестве. Мне было известно, что через день ему предстоит лечь в больницу. И сравнение сцены с полем боя, на котором артисты воюют за людские сердца, не показалось на сей раз банальным и натянутым.

Г. ДРАЧЕВА,
спец. корр.
«Красной звезды».

тупление с эстрады — всегда напряжение. Каждая песенная миниатюра требует особой настроенности. Отс находит, что настоящий исполнитель способен превратить песню в своего рода одноактную пьесу или психологическую новеллу.

Взыскательность, трудолюбие, наверное, перешли к нему по наследству от отца, народного артиста Эстонской ССР, с которым ему привелось работать в одной труппе. В свое время, когда многие были убеждены, что сын Карла Отса должен петь, последний не разделял их мнения, считая его голос заурядным.

ГЕОРГ ОТС. Нет нужды напоминать о популярности этого имени.

Когда в музее театра и музыки, расположенном на уютной улице Таллина — Мюривахе, я попросила показать об артисте что-нибудь на русском языке, мне подобрали вначале несколько материалов, а потом не без доли лукавства выложили на стол пять объемистых папок. Даже для беглого знакомства с ними потребовалось бы изрядное время.

Это был архив ленинградки М. Смирновой — дар музею. Почтительница таланта Отса много лет собирала вырезки статей о нем, программы выступлений, фотографии. Сохранились рецензии, отзывы, просто упоминания об артисте в прессе и снимки, горы снимков — Георг Карлович в жизни и в разных сценических обликах. Весь этот сонм враз столпившихся героев невольно ошеломлял.

Онегин и лихой Румму Юри (в одноименной эстонской оперетте), Демон и Леван (в «Кето и Коте» Долидзе), Эскамилло и Олег Кошевой, Риголетто и Мересьев, Дон Жуан и сурово-замкнутый Мезлис (в национальной опере «Лембиту»). Вот лишь десяток из более чем шестидесяти разноплановых музыкально-драматургических об-